

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.30-41

ОРФОГРАФИЯ ФЕДОРОВСКОГО П ПАРИМЕЙНИКА XIII ВЕКА

А.О. Штатнова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье впервые предпринято лингвистическое описание правописных, фонетических и грамматических особенностей Федоровского П паримейника XIII в. Особое внимание уделено такой характерной черте древнерусского книжного языка, как вариативность, которая проявляется на всех языковых уровнях: и на графико-орфографическом (явление графического параллелизма), и на фонетическом (сосуществование южнославянских и восточнославянских элементов), и на грамматическом (использование традиционных форм претеритов и их русифицированных вариантов). Кроме того, акцент сделан на тех диагностических приметах, которые позволяют уточнить время и место создания рукописи. Так, анализ редуцированных в паримейнике позволяет удревнить его датировку по крайней мере до второй половины XIII в., а некоторые фонетические приметы, зафиксированные на письме, свидетельствуют в пользу псковского или новгородского происхождения памятника.

Ключевые слова: древнерусский литературный язык, паримейник, графические дублеты, старославянские и древнерусские рефлекссы, неполногласие, полногласие, еры, претериальные формы, архаичные и инновационные употребления, электронная публикация

Период XII – XIII вв. занимает особое положение в изучении истории русского языка, так как является эпохой формирования древнерусского литературного языка, а также временем значительной перестройки фонологической системы и развития новых тенденций в грамматике. В связи с этим несомненно актуальность исследования письменных памятников соответствующего периода. Однако, очевидно, вследствие большого объема письменного наследия изучались прежде всего рукописи с наилучшей сохранностью или наличием указаний на время и место их создания. А памятники, которым в этом отношении повезло менее, оставались как бы на периферии, обходились стороной, и многие ценные для науки факты оставались без внимания. Сейчас комплексное исследование древнерусских рукописей является одним из приоритетных направлений современного исторического языкознания и палеославистики, так как это позволяет проследить живые процессы в древнерусском языке. Более того, отмечается повышение интереса к произведениям церковно-сакральным, которыми прежде пренебрегали, ссылаясь на консервативность книжного языка и устойчивость его к изменениям. Все это обуславливает актуальность предпринятой нами работы,

которая заключается в лингвистическом исследовании Федоровского П паримейника и подготовке его Интернет-издания.

Федоровский П паримейник (П.) – это ценный памятник древнерусской письменности. Особенность его как типа текста заключается в богослужебном назначении: он содержит избранные ветхозаветные и отдельные новозаветные чтения. Рукопись получила свое название по имени счетчика Типографского двора Бориса Федорова, который оставил запись на л. 109 о количестве листов в памятнике (107). Место создания рукописи не установлено. Известно лишь, что на Типографский двор она поступила в 1679 г. из Пскова. Поэтому есть основания полагать, что паримейник имеет псковское или новгородское происхождение. При исследовании манускрипта нас в том числе интересовали территориально-диалектные приметы, которые говорили бы в пользу этой версии или же опровергали бы ее.

Общепринятой датировки рукописи не существует. Согласно Сводному каталогу XI – XIII вв. [1, с. 310], памятник датируется второй половиной XIII в. А.А. Пичхадзе в одной работе [2] датирует его XIV в., в другой [3] – XIII в. Датировка рукописи, вероятно, основана на палеографических данных. Уточнение времени создания памятника невозможно без учета лингвистических данных и обобщения материалов датированных рукописей XII – XIV вв. Поэтому, анализируя паримейник, мы, безусловно, ставили перед собой цель уточнить и его датировку.

Таким образом, наше исследование, с одной стороны, ориентировано на уточнение датировки рукописи и установление места создания, а с другой – на введение в научный оборот и интерпретацию языковых фактов рукописи, значимых для истории древнерусского языка древнейшего периода.

Новизна исследования состоит в том, что в работе впервые предпринято описание языковых особенностей Федоровского П паримейника. В результате в сферу научных изысканий вводится новый материал, расширяющий сведения исторической русистики о динамических тенденциях в древнерусском языке.

Более того, материалы и выводы работы могут быть задействованы при дальнейшем исследовании проблем, связанных с явлением графического параллелизма, фонетическими процессами, эволюцией глагольной системы, а также в преподавании курсов по истории русского языка, палеографии, древнерусской графике и орфографии, исторической грамматике.

Лингвистическое исследование памятника письменности подразумевает его разностороннее описание, отображающее характер проявления основных процессов в истории языка в данном памятнике.

В ходе графико-орфографического анализа паримейника выяснилось, что в нем используются омофоничные графемы – буквы, которые соответствуют одной фонеме, но различаются условиями, позициями употребления на письме. Такие буквы-двойники носят название графических дублетов. Представлены они в рукописи следующими группами:

- *а – и – ѡ*;
- *н – і*;
- *о – ѡ*;

- *oy* - *y* - *z*;
- предлог/приставка [ot];
- *ε* - *κ*;
- [u] после шипящих и *υ*.

Поскольку язык не признает омонимичности и стремится от нее избавиться, в случае с графическими дублетами одни буквы становятся маркированными графемами и начинают писаться только при определенных условиях, а другие используются в нейтральных позициях [4, с. 28]. Выявление принципов их употребления дает возможность выстроить систему письма отдельной рукописи.

Анализ функциональности дублетных букв позволяет сделать следующие выводы.

1. В использовании дублетного звена *α* – *ι* – *λ* в паримейнике наблюдается оригинальное древнерусское распределение букв: *α* употребляется после твердых согласных, шипящих и *υ*, *ι* – после гласных и в начале слов, *λ* пишется после других мягких согласных.

2. При рассмотрении разных случаев употребления графемы *ι* можно сделать вывод о последовательности ее написаний в паримейнике. Писец задействует несколько стратегий при разграничении *η* и *ι*, основная из которых – маркирование конца строки. Однако использование *ι* не на конце строки в большинстве случаев также может быть удовлетворительно объяснено. В частности, некоторые производимые писцом случаи замены *η* на *ι* обусловлены основной функцией и десятиричной – экономией пространства.

3. Для обозначения звука [o] в тексте паримейника используются графические дублеты *ο* и *ω*. Омега используется в начале слова, а также после гласной буквы под влиянием языка-источника – греческого. В 67% случаев употребление *ο* в нетипичной для нее позиции связано с положением начала стиха. Очевидно, писец прибегает к приему графического выделения начала письма.

4. Звук [u] может обозначаться на письме диграфом *oy*, буквой *y* и лигатурой *z*. Буква *oy* является основным представителем оппозиции для обозначения звука [u]. Дублеты *oy* (*y* и *z*) используются в основном на конце строки. Причем предпочтение писец явно отдает дублету *y*. В заимствованных словах в соответствии с греческой *υ* характерно употребление ижицы *y*. Наблюдается слабая тенденция по замене диграфа на монограф-ижицу.

5. Предлог и приставка [ot] может передаваться как с помощью лигатуры, так и посредством написания *otz*. Почти неизменно используется лигатура. Один случай отступления от этого принципа обусловлен собственно графическими причинами. Написание в виде *oπ(z)*, которое встретилось в рукописи единожды (*oπzρνιγισυ* (П., л. 15 об.)), вероятно, связано с положением начала стиха.

6. В употреблении *ε* и *κ* строгой последовательности не прослеживается. Можно отметить лишь стремление писца к активному использованию *ε*-йотированного в начале слова и после гласных, а *ε* – после любых согласных. Между тем в тексте паримейника встречается целый ряд отступлений от этого принципа, свидетельствующих о влиянии на графико-орфографическую систему рукописи

более ранних норм: это написание *ѣ* в начале слога, а также маркирование мягкости предшествующего согласного с помощью *ѣ*.

7. В оформлении слогов с шипящими и *ц* перед гласной [и] в паримейнике писец четко придерживается восточнославянской традиции. После шипящих и *ц* он последовательно, на протяжении всего текста использует *ю*.

Для анализа фонетических особенностей рукописи важно выявить соотношение старославянских и восточнославянских примет. Традиционно в рамках исследования старославянских и древнерусских рефлексов рассматриваются следующие группы явлений:

1) рефлексы йотовой палатализации и палатализации консонантных сочетаний;

2) рефлексы праславянских сочетаний гласных с плавными;

3) начальные *ѣ* – *ѡ*, *ѧ* – *Ѩ*, *Ѫ* – *ѫ*.

Судьба сочетаний **dj*, **tj*, **zdj*, **zgj*, **stj*, **skj* была различна в языках, развившихся из диалектов праславянского языка. Сочетания **zg*, **sk* перед гласным переднего ряда развивались аналогично **zgj*, **skj*.

Если в языке восточных славян сохранились праславянские рефлексы **zdj*, **zgj*, **stj*, **skj*, то в старославянском произошло преобразование исходных сочетаний.

В раннепраславянский период сочетания смычных зубных с *j* (**dj*, **tj*) преобразовались в долгие мягкие звуки с последующей их аффрикатизацией, по-разному осуществившейся в праславянских диалектах. В результате в старославянском языке йотовые палатализации переднеязычных смычных давали мягкие аффрикаты: **tj* > *шт* (*щ*), **dj* > *жд*. А у восточных славян наблюдается **tj* > *ч*, **dj* > *ж*. Отсутствием в звуковой системе восточных славян сочетания *жд* (*ž'd'*) объясняется его замена уже в ранних рукописях, даже списанных со старославянских оригиналов, на *ж*.

В тексте паримейника представлено упорядоченное написание с *ж*. Слова со старославянским рефлексом отсутствуют.

Написания, отражающие старославянские и древнерусские рефлексы **tj*, в рукописи имеют иную картину. Здесь последовательно выдерживается южнославянское написание – через *щ*. Соотношение написаний *щ/ч* выглядит как 96% к 4%. Причем *ч* пишется только в словах с корнем *чуж-* (**tjudь* < **teud-*). Такая стратегия характерна для древнерусских памятников. В них написания с *щ* или *шт* сохраняются, тогда как *жд* заменяется посредством *ж* значительно чаще. Восточнославянский вариант с *ч* осознается писцами как не книжный, в отличие от старославянизмов с *щ*.

Группы **zdj*, **zgj*, **zg* перед гласным переднего ряда и глухие корреляты **stj*, **skj*, **sk* перед гласным переднего ряда также давали разные рефлексy в праславянских диалектах. У восточных славян сохранились исходные сочетания (**zdj*, **zgj* > **ž'd'ž'*; **stj*, **skj* > **š't'š'*: **zg* > **zd'ž'* > **ž'd'ž'*; **sk* > **sč'* > **š't'š'*). В старославянском языке конечный шипящий элемент получившихся сочетаний был утрачен, что привело к упрощению сочетаний в *щ*, *жд*.

В Федоровском паримейнике рефлексы, восходящие к сочетаниям *stj, *skj, *sk перед гласным переднего ряда, представлены традиционными огласовками в виде *щ*. Данная графема в этом случае отражает сохранение праславянского рефлекса *щ* = [šč' = š'tš'], поэтому вариативность с *ч* здесь исключена.

Рефлексы *zdj, *zgj, *zg перед гласным переднего ряда в рукописи представлены лексемами *дзжъ* (П., л. 103), *дзжгъвз* (П., л. 69 об.), *дрожьгнано* (П., л. 30 об.), которые являются яркими диалектизмами.

Развитие рефлексов групп *kt, *gt перед гласным переднего ряда имело следующие результаты:

- у восточных славян – *kt, *gt > č';
- у южных славян (в старославянском языке) – *kt, *gt > š' t'.

В реализации сочетания *gt + передний гласный в Федоровском паримейнике отмечены только старославянские рефлексы:

моци (*mogti2 < *mogtei; ср.: *могу*) (П., л. 4);

помощь (*pomogty < *-mogtis; ср.: *помогать*) (П., л. 13).

В большинстве случаев сочетание *kt + передний гласный в рукописи реализуется в орфографии с церковнославянской огласовкой с *щ*:

нощъ (*nokty < *noktis) (П., л. 1);

вещи (*vekti) (П., л. 30 об.).

Исключение составляют два случая употребления слова *дзверн* с восточнославянским рефлексом на л. 8. Примечательно, что на этой же странице упомянутое слово встречается и с типичным для рукописи старославянским рефлексом. Единичное отступление от последовательно выдерживающейся в паримейнике церковнославянской огласовки не связано с какими-либо позиционными особенностями. Скорее всего, писец использует другой допустимый вариант, чтобы продемонстрировать свое знакомство с разными формами и умение их отождествлять.

Преобразования в группах типа *ort, *olt в славянских языках связаны с типом праславянской интонации на слоге.

Под акутовой интонацией во всех славянских языках произошла метатеза с удлинением: *ort > rat, *olt > lat (*ortai – ratai 'пахарь'; *olnita – lanita 'ланита').

Под интонацией циркумфлекса в южнославянском языке результат изменений совпал с изменениями под акутовой интонацией, а в западно- и восточнославянском произошла метатеза без удлинения.

В исследуемой рукописи в оформлении начальных *ort и *olt выдержана старославянская огласовка:

*orz- > *раз-* (*рас-*): *развращено* (П., л. 9 об.); *расть уенине* (П., л. 9 об.);

*orzvě > *развѣ* (П., л. 12 об.);

*orb- > *раб-*: *поработають* (П., л. 42);

*orst- > *раст-*: *растѣщи* (П., л. 92);

*orzьn- > *разьн-*: *разьну* (П., л. 81);

*olkъt- > *лакът-*: *лакътъ* (П., л. 15).

Утрата дифтонгических сочетаний с плавными в группах *tort, *tert, *tolt, *telt также происходила по-разному у южных (в старославянском языке) и у восточных (в древнерусском языке) славян. У южных славян упомянутые праславянские

группы после метатезы преобразовывались в *трат, трѣт, тлат, тлѣт* с заменой кратких гласных на долгие (т.н. старославянское неполногласие). Старославянскому неполногласию противопоставлено восточнославянское первое полногласие. В древнерусский период различие в огласовке рефлексов групп типа **tort* становится чисто стилистической особенностью, отличающей книжный язык от бытового.

В рукописи рефлексы этой группы представляют собой исключительно старославянскую огласовку: *посредѣ* (П., л. 1 об.), *дрѣво* (П., л. 1 об.), *предз* (П., л. 4 об.), *брѣма* (П., л. 6), *плѣнение* (П., л. 16 об.), *стрѣзгин* (П., л. 18 об.), *урѣжение* (П., л. 43), *сблѣуеса* (П., л. 44 об.), *небрѣзгин* (П., л. 53 об.) и др.

Интерес представляет тот факт, что в передаче южнославянских написаний *ръ/ль* на месте праславянских сочетаний **tert*/**telt* наблюдается вариативность. Это связано с тем, что процесс «адаптации южнославянских написаний по признаку *ре/рѣ* в полногласных сочетаниях развивался достаточно медленно, существенно медленнее, например, чем в случае таких признаков, как *-ть/-тъ* в окончаниях 3-го лица презенса или написание редуцированных с плавными в примерах типа *дрѣжава / държава – дьръжава*» [5, с. 727].

Если проанализировать данные рукописи, становится очевидно, что в Федоровском паримейнике нет какого-либо устойчивого принципа, в соответствии с которым разграничиваются написания *ръ – ре, ль – ле*. Одно и то же слово может равно передаваться как с *ъ*, так и с *ѣ* (*премудрость* (П., л. 15 об.) и *прѣмол удрестн* (П., л. 3 об.); *посредѣ* и *посръдѣ* (П., л. 97 об.); *урѣво* (П., л. 4 об.) и *урѣва* (П., л. 13 об.); *плѣнникъ* (П., л. 49) и *плѣньникъ* (П., л. 60)).

Затруднительно говорить о лексической закреплённости определенного написания, так как лексемы, встречающиеся исключительно с *ъ* или только с *ѣ*, крайне немногочисленны (*небрѣг-*, (*за*)*прѣт-*, *жрѣб-*, *урѣсл-*), а потому по ним сложно судить о лексикализации отдельных написаний. Писец здесь, таким образом, не стремится унифицировать орфограммы, а сохраняет вариативность.

Специфической особенностью начала слова в языках восточнославянской группы являются признаки, перечисленные ниже.

1. Наличие начального *о-* в восточнославянских языках в соответствии с начальным *je* в южно- и западнославянских в небольшой группе основ.

В исследуемом паримейнике количество корней, отражающих варианты начальных звуков *ѣ – ѡ*, ограничено.

Последовательно, без отклонений передан в старославянской огласовке корень *ѣднѣ-*: *погубити ни ѣднѣго* (П., л. 4), *ѣднѣ поурпешн злама* (П., л. 21), *ѣднѣ наце глѣцю к тебе* (П., л. 60), *под нгсѣм ѣднѣемь* (П., л. 90 об.) и др.

Старославянская огласовка выдержана и при передаче корня *ѣлен-*, представленного одной формой: *ико жадаеть ѣлень* (П., л. 13).

Отсутствие начального *j*, не только протетического, но и исконного (на месте праславянского *ji*), перед *и* при его последовательном наличии в старославянском.

В рукописи в начале слова представлен только южнославянский рефлекс (кроме местоимения *юже*): *оутро* (П., л. 2), *оуношу* (П., л. 5 об.), *оуногн* (П., л. 40 об.), *оуниш* (П., л. 103 об.) и др.

2. Последовательное наличие начального *j* перед *a* (за исключением служебных слов, например, союза *a*).

В древнерусских памятниках, главным образом церковных, но также и светских чаще представлено *azz* под старославянским влиянием. В исследуемой рукописи тоже отмечается подобная тенденция: встречаются лишь старославянские варианты этого местоимения: *azz iako оумнишася* (П., л. 7), *azz въздвнзая забетъ мси* (П., л. 31), *azz же не разоумѣ* (П., л. 65 об.), *azz боуду вамъ бѣ* (П., л. 101) и др.

Явно преобладает в паримейнике древнерусская огласовка. Восточнославянский рефлекс выдерживается при передаче глагола *ивити* и производных от него.

Исключительно старославянским вариантом, без русских параллелей, представлен корень *агн*.

В Федоровском паримейнике зафиксированы яркие новгородизмы – лексемы с неразличением аффрикат *ц* и *ч* [6, с. 39]. Эти примеры весьма показательны: *до конуа* (П., л. 2 об.), *уѣкомъѣце* (П., л. 13), *ѡцѣствннѣмъ* (П., л. 13 об.), *сзконцають* (П., л. 19 об.), *концаются* (П., л. 24 об.), *многоченьнъ* (П., л. 33 об.), *сконцаны* (П., л. 34), *дмаудъуъ* (П., л. 42), *ѡцнцуются* (П., л. 45 об.), *ѡчъ* (П., л. 53 об.), *ѣдннцѣ* (П., л. 60), *уѣце* (П., л. 92), *седмнучю* (П., л. 97) и др.

В паримейнике обнаружилось смешение шипящих и свистящих согласных, которое характеризовало древнерусский северо-запад: *вз срзину* (П., л. 39 об.).

Представлено в рукописи и написание *жг*, соответствующее сочетанию *zgj, также являющееся несомненным диалектизмом (в наддиалектном древнерусском сочетании *zgj дало бы [ž'ž']): *дзжгевз* (П., л. 69 об.), *дзжгъ* (П., л. 103), *дрожьгннн* (П., л. 30 об.) (с *жг* на месте *zg перед передним гласным).

Известно при этом, что в восточно-новгородских говорах реализация рассматриваемого сочетания совпадает с наддиалектной, тогда как [ž'g'], который мы имеем, характерен для древнепсковского диалекта [6, с. 48].

Уже этих примеров достаточно, чтобы локализовать исследуемую рукопись как северо-западную (псковского или новгородского происхождения).

Несомненную ценность имеет и материал, связанный с поведением редуцированных: «Состояние еров в датированных памятниках традиционно имеет первостепенное значение для определения времени... недатированных древнерусских рукописей, в том числе с широкой датировкой» [7, с. 47].

Исследование Федоровского паримейника показывает, что чередование еров с нулем звука в пределах одной словоформы отмечено у ограниченного числа единиц: например, *н възста ннкобъ ѡ сзна* (П., л. 105) – *бѣи слово гнѣ къ абрамсу въз снѣ* (П., л. 42), *правдънъ* (П., л. 10) – *правднсу* (П., л. 9 об.), *семь сзтз* (П., л. 8) – *сто* (П., л. 11 об.), *вз ѡстанъкъ* (П., л. 2 об.) – *ѡстанка* (П., л. 22).

Достаточно последовательно сохраняются слабые редуцированные, которые могут оказываться в сильной позиции, в результате чего в рукописи нашли отражение следствия падения редуцированных, такие как прояснение редуцированных

в сильной позиции и выпадение их в слабой, что присуще синтагматическому этапу падения редуцированных.

В рукописи обнаруживаются нижеперечисленные следствия падения редуцированных:

1) пропуск слабых редуцированных: *вз тмъ* (П., л. 36), *уѣтзирн ста* (П., л. 42 об.), *неръвнсу* (П., л. 8 об.) (в корне); *створни* (П., л. 2 об.), *всадинки* (П., л. 90), *взопни ють* (П., л. 28) (в приставках); *лукавну* (П., л. 8 об.), *застопинки* (П., л. 51 об.) (в суффиксах);

2) вокализация сильных редуцированных: *жертвсу* (П., л. 68), *оувьрднуз* (П., л. 49) (в корне); *скуденз* (П., л. 59), *мьздонмечь* (П., л. 45 об.) (в суффиксах); *скзрбъхз* (П., л. 22 об.), *дзщерехз* (П., л. 80) (в окончаниях);

3) чередование еров с нулем звука: *ѡ сѡна* (П., л. 105) – *вз снѣ* (П., л. 42), *вз останкз* (П., л. 2 об.) – *останка* (П., л. 22);

4) ассимиляция по мягкости: *бъуел* (*ь* вместо исконного редуцированного непереднего ряда).

Что касается реализации праславянских сочетаний **тъrt*, **тъlt*, **тъrt*, **тъlt*, то фонетико-орфографические варианты передачи морфем отличаются большим разнообразием, что всецело обуславливается собственно восточнославянскими особенностями их развития [8, с. 230]. Здесь мы видим явное преобладание восточнославянского рефлекса.

Анализ функционирования редуцированных в Федоровском паримейнике свидетельствует о том, что в рукописи еще не получил достаточного развития парадигматический этап падения: факты перехода *ъ > о*, *ь > е* зафиксированы, но они немногочисленны. Тот факт, что редуцированные довольно последовательно употребляются в сильной позиции, представляет особую ценность. Это позволяет уточнить и существенно удревнить датировку паримейника: даже если исходить из того, что писец воспроизводит состояние редуцированных в более ранней рукописи – антиграфе, с которого он делал копию, все равно памятник следует датировать по крайней мере второй половиной XIII в., поскольку в рукописях XIV в. столь последовательно редуцированные не воспроизводятся.

В описании грамматических особенностей рукописи важное диагностическое значение имеют претеритальные формы. В Федоровском паримейнике употребляются как простые, так и сложные прошедшие времена. При этом в их реализации отмечается вариативность.

Анализ системы прошедших времен, функционирующих в рукописи, показывает гармоничное сосуществование традиционных и новых форм. Памятник совмещает архаичные употребления (преобладание нетематических форм аориста от глагола *рѣши*, правильное употребление форм 2-го лица единственного числа аориста, сохранение перфекта в его исконном виде) с инновационными (последовательное употребление в 3-м лице двойственного числа словоформ на *-ста*, функционирование стяженных форм имперфекта с собственно древнерусскими фонетико-орфографическими признаками).

Материал Федоровского паримейника подтверждает, что аорист оставался одной из центральных форм темпоральной системы, его развитие в книжном языковом регистре продолжалось. Вариативность аористных форм характеризует

подвижность древнерусской литературной нормы, в которой старославянские варианты выступали как показатель высокого статуса книжного текста.

Вопреки книжному канону, в котором формы 2-го лица единственного числа аориста и имперфекта являются большой редкостью и употребляются обычно с личным местоимением или после обращения [9, с. 281], в паримейнике данные формы представлены довольно широко, они не вытеснены полностью перфектом. Если имперфект на *-тъ*, характеризующий источники восточнославянского происхождения, не нашел никакого отражения в исследуемом памятнике, то стяженные формы с очевидной печатью русификации здесь исключительно активны.

Что касается сложных прошедших времен, то они представлены лишь словоформами перфекта – плюсквамперфект в рукописи не зафиксирован. Традиционный перфект заявляет о себе в паримейнике во всю мощь: тенденция к употреблению элевых причастий без связки не намечена, не говоря уже о развитии собственно древнерусского безэлевого перфекта, вероятно, в связи с высоким богослужебным статусом рукописного текста. Перфектные формы преимущественно выступают в прямой речи. Соотносясь с непосредственным актом речи, они выполняют подтверждающую, удостоверительную функцию.

Таким образом, лингвистическое исследование Федоровского II паримейника, включающее в себя графико-орфографический и фонетический анализ, а также анализ претеритальных форм, позволяет сделать следующие выводы. Писец обладал высокой письменной культурой. Это проявилось в использовании им омофоничных графем. Более того, мы видим, что писец знаком с явлением графической диссимиляции и принципом графического выделения начала письма. Хотя и отмечаются закономерности в противопоставлении в рукописи дублетных букв (в частности, писец в основном придерживается поздней древнерусской традиции противопоставления на письме графем *л – и – ѡ*), они, как правило, не выдерживаются четко. Это значит, что язык книжной, церковной литературы «либерализуется», становится более восприимчивым к изменениям.

В пользу этого свидетельствует и анализ фонетических аспектов Федоровского паримейника. В рукописи гармонично, на равных правах сосуществуют южнославянские и восточнославянские приметы. Очевидно, что книжный язык подвергается мощному влиянию русификации. В отношении распределения старославянских и древнерусских рефлексов исследование рукописи позволяет сделать вывод, что наличие вариантов не вызвано стилистическими причинами, поскольку контексты, содержащие их, и в целом текст однородны стилистически. Прослеживается достаточно последовательное использование в рукописи одной из огласовок по принципу непротиворечия фонетической системе древнерусского языка. Последовательное воспроизведение редуцированных в манускрипте свидетельствует о его более раннем происхождении: паримейник был создан не позднее второй половины XIII в. Что же касается места создания паримейника, то отдельные фонетические приметы, отраженные на письме, говорят в пользу его северо-западного происхождения (псковского или новгородского).

Анализ функционирования претеритов в Федоровском паримейнике показывает, что аорист оставался одной из центральных форм глагольной системы, его эволюция в книжной языковой стихии продолжалась. Аористные формы

характеризуются вариативностью, старославянские варианты при этом указывают на высокий статус книжного текста. Почти исключительное употребление стяженных форм имперфекта весьма оправданно: памятник создан в позднерусский период, когда нестяженные формы уже являлись архаизмом. К тому же эти стяженные формы подверглись очевидной русификации. Перфект, которым в рукописи представлено сложное прошедшее время, сохраняет здесь свою традиционную форму, что, очевидно, также является следствием высокого статуса текста.

Языковой материал рукописи имеет немаловажное значение для реконструкции истории древнерусского языка древнейшего периода: он обогащает введенные ранее в научный оборот примеры. Этим обоснована и актуальность работы по подготовке интернет-издания Федоровского П паримейника¹, в которой мы в настоящее время параллельно с его исследованием участвуем. Эта работа проводится в рамках проекта РФФИ, направленного на издание нескольких паримейников. Подготовка интернет-издания осуществляется на основе цифровой копии рукописи, размещенной на сайте Российского государственного архива древних актов. Значимость электронной публикации Федоровского П паримейника бесспорна. Она предоставит обширный материал для исследований, а также удобный инструментарий для поиска и отбора необходимой информации.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-18001.

Источники

П. – Российский государственный архив древних актов. Ф. 381 (Тип.). Д. 60: Паримейник второй половины XIII в. Л. 1–107.

Литература

1. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. – М.: Наука, 1984. – 406 с.
2. Пичхадзе А.А. Типология паремийных чтений книги Исход // *Palaeobulgarica*. – 1986. – Т. 10, Ч. 1. – С. 20–34.
3. Пичхадзе А.А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. – М.: Наука, 1991. – С. 147–173.
4. Зайнутдинова А.Р. Отражение графического параллелизма в истории русского письма (отношения ó и о): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 177 с.
5. Живов В.М. История языка русской письменности: в 2 т. – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2017. – Т. 1. – 816 с.
6. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 872 с.
7. Попов М.Б. К вопросу о падении редуцированных гласных в древнерусском языке: хронология, фонологический механизм, отражение в памятниках // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 5. – С. 47–67.

¹ См. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96932569/.

8. *Паймина О.С.* Языковые особенности Троицкого сборника XII–XIII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 308 с.
9. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. – 317 с.

Поступила в редакцию
18.01.2021

Штатнова Ангелина Олеговна, магистрант Института филологии и межкультурной коммуникации

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: gelinafedorova@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2021, vol. 163, no. 1, pp. 30–41

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.30-41

The Orthography of the Fedorovsky II Parimeinik of the 13th Century

A.O. Shtatnova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: gelinafedorova@gmail.com

Received January 18, 2021

Abstract

The spelling, phonetics, and grammar of the Fedorovsky II Parimeinik of the 13th century were analyzed for the first time. The results obtained were used to specify the time when the manuscript was created and the region of its origin: it should be dated to around the second half of the 13th century and confined to the corpus of texts having either Pskov or Novgorod origin. A number of examples were provided to show that the text under study is highly variable at all levels. The active usage of graphic doublets was found. It was noticed that the Old Slavonic reflexes occur along with the Old Russian ones. In the system of past tenses, both archaic and innovative forms were registered. The mobility of the norms of the Old Russian language was observed, thereby indicating the liberalization of the language of church literature. Therefore, the Fedorovsky II Parimeinik was susceptible to changes that took place in the language system of that time and fell under the influence of Russification.

Keywords: Old Russian language, parimeinik, graphic doublets, Old Slavonic and Old Russian reflexes, lack of full vocalism, full vocalism, yery, preterit forms, archaic and innovative uses, electronic text

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-512-18001).

References

1. *Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR. XI – XIII vv.* [Joint Catalogue of Slavic Russian Manuscript Books Stored in the USSR. 11th–13th Centuries]. Moscow, Nauka, 1984. 406 p. (In Russian)

2. Pichkhadze A.A. Typology of recitation of paroemias of the Book of Exodus. *Palaeobulgarica*, 1986, vol. 10, pt. 1, pp. 20–34. (In Russian)
3. Pichkhadze A.A. On the history of the Old Russian parimeinik (reciting paroemias of the Book of Exodus). In: *Traditsii drevneishei slavyanskoi pis'mennosti i yazykovaya kul'tura vostochnykh slavyan* [Traditions of the Old Russian Writing System and Linguistic Culture of the East Slavs]. Moscow, Nauka, 1991, pp. 147–173. (In Russian)
4. Zainutdinova A.P. Graphic parallelism in the history of the Russian language (on the relation between ó and o). *Cand. Philol. Diss.* Kazan, 2004. 177 p. (In Russian)
5. Zhivov V.M. *Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti* [History of the Russian Written Language]. Vol. 1. Moscow, Russ. Fond Sodeistviya Obraz. Nauke, 2017. 816 p. (In Russian)
6. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect]. Moscow, Yaz. Slavyan. Kul't., 2004. 872 p. (In Russian)
7. Popov M.B. On the fall of reduced vowels in the Old Russian language: Chronology, phonological mechanism, reflection in written records. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2015, vol. 157, no. 5, pp. 47–67. (In Russian)
8. Paimina O.S. Linguistic features of the Trinity Miscellany of the 12th–13th centuries. *Cand. Philol. Diss.* Kazan, 2011. 308 p. (In Russian)
9. Kuznetsov P.S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical Grammar of the Russian Language. Morphology]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1953. 317 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Штатнова А.О. Орфография Федоровского П паримейника XIII века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2021. – Т. 163, кн. 1. – С. 30–41. – doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.30-41. ⟩

⟨ **For citation:** Shtatnova A.O. The orthography of the Fedorovsky II Parimeinik of the 13th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2021, vol. 163, no. 1, pp. 30–41. doi: 10.26907/2541-7738.2021.1.30-41. (In Russian) ⟩